

Это законоположение, говорит Радищев о мандате, «клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве»; он предлагает (в примечании) сравнить с мандатом «дозволение [в России] иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном». «Священники хотели, — пишет он, — чтобы одни причастники их власти были просвещенны, чтобы народ науку почитал божественного происхождения, превыше его понятия и не смел бы оныя коснуться». . . Тем не менее «ныне, во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему путы суеверия. . . , когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества. . . , постыдное монашеское избречение трепещущей власти принято ныне повсеместно. . . Неистовые! Осмотритесь. . . вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. . . Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного. По щастию однако же общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание — орудия его остановлены могут быть в действии, но не разрушены» (325—328).

Далее Радищев возвращается к Бекману и берет у него известие о папе Александре VI и об его булле 1501 г. [«в Путешествии» ошибка: 1507 вм. 1501]; он «первый из пап законоположил о цензуре». В основном списке «Путешествия» Радищев называет его «священным Нероном», в печатном издании — «Тиверием». «Сам согбенный под всеми злодеяниями не устыдился он нещися о непорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела!» замечает Радищев и приводит главную часть буллы, указывая, что тогда же «велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противные кафолическому исповеданию, те сжечь». «О, вы, цензуру учреждающие, — восклицает он, — вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь» (328—330).

Бекман пишет: «Когда в начале XVI столетия был в Риме известный церковный собор в Латеране, в десятой сессии 1515 года было постановлено, что с тех пор никакая книга не должна быть напечатана без цензуры духовенства».¹ Далее он приводит латинский текст постановления и продолжает: «Во Франции издавна присвоил себе цензуру богословский факультет, как говорили некоторые его члены; но когда в 1650 году назначили помимо его общественных цензоров, он указал лишь на двухвековую древность своего права, ибо говорил: уже более двух столетий, как доктора [ученые] Парижа имеют право одобрять книги, которые

¹ «Als im Anfange des 16-ten Jahrhunderts die bekante kirchensammlung zu Rom in Lateran gehalten ward, ward in der zehnten Session 1515 verordnet, dass fernerhin kein Buch ohne Censur der Geistlichen gedruckt werden soltet».